

Александр Хацкевич

*“Как лауреаты до
Стокгольма за премией
поехали...”*

*Приключенческий детектив или просто
шутка*

Действующие лица:

ЛЕВ СЕМЕНОВИЧ КАПИТОШКИН, 72 года, ученый из СССР, физик, лауреат Нобелевской премии.

АЛЬФРЕД АЙЗИКОВИЧ ЗЮЛЬДЕНШТУЛЬДХЕВИЧ, 69 лет, ученый из СССР, физик, лауреат Нобелевской премии.

ДЖОН ОСВАЛЬД ФИШЕР, 66 лет, убитый, химик из Великобритании, лауреат Нобелевской премии.

ДЖОН МЮРДЕР, 40 лет, химик из Великобритании, лауреат Нобелевской премии, друг физиков из СССР.

АЛЬБЕРТ ДЕ ДЮВ, 65 лет, немецкий ученый, медик-физиолог, лауреат Нобелевской премии.

КРИСТИАН ДЕ ДЮВ, 32 года, немецкий ученый, медик, лауреат Нобелевской премии.

СИМОНА КВАЗИМОДО, 50 лет, писательница, родилась в Риме.

ОЛАФ, он же ЛАРС ФОН ОЛУХ 30 лет, администратор отеля “Нафальгар”.

ЭММА, она же АННА, 27 лет, горничная отеля “Нафальгар”.

ЯН ЙОХАНССОН, 33 года, полицейский, он в круглых очках на толстой оправе с увеличительными стеклами, порой выкрикивает слова - *Синдром Туретта*

ФРИДРИХ ЯССОН, ХАНС ФРИТКОФФ и ВИКТОР СИВГАРД, полицейские, всем около 30-ти лет.

ПОСТОЯННЫЙ ГОСТЬ, он же начальник полиции Полковник Скарсгорд, мужчина около сорока лет.

МАЛЬЧИК, посыльный, 9 лет.

Сцена I

На сцене с двух сторон стоят лестницы, которые ведут до платформы по всей длине сцены – это второй этаж гостиницы, куда съезжаются лауреаты Нобелевской премии.

По центру стоит круглый небольшой стол и два стула с противоположных сторон рядом со столом. На столе стоит чайник (самовар с сапогом) и три чашки в винтажном стиле. За столом сидят Альфред Айзикович Зюльдеништульдтхевич и Лев Семенович Капитошкин.

ЛЕВ. Нельзя делать выводы, основываясь только на чувствах! Все должно быть более чем логично!

АЛЬФРЕД. Но, коллега, позвольте не согласиться с вами. В некоторых вопросах мы не можем подвергать каждый объект измерению. Когда и так все очевидно.

ЛЕВ. А я говорю, что надо! Ведь, если мы не проведем измерения, то не сможем сделать абсолютное логическое заключение, которое поможет нам выявить истину.

АЛЬФРЕД. Для того чтобы выявить истину в данном случае, вам не нужны такие тщательные измерения.

ЛЕВ. Нет, они необходимы! Я видите ли, коллега, все подвергаю сомнению, как истинный ученый!

АЛЬФРЕД. Да-да, Лев Семенович. Я лишь предпочитаю думать, что интуиция порой, важнее измерений. Не пропустил же Флеминг открытие, что-то же подсказало ему, измерения ли? Сначала чутье ученого, ученая интуиция, так сказать, а уже потом измерения. Не все поддается измерению. Или вот как вы, к примеру, измерите любовь?

ЛЕВ. А что её измерять? Частота пульса, расширение зрачков и учащение дыхания, одна химия. Вот и все измерения.

АЛЬФРЕД. Но как же, когда людей неотвратимо тянет друг к другу, вы не можете обойти этот факт стороной.

ЛЕВ. Тут вопрос лишь в правильности выбора измерительного прибора.

АЛЬФРЕД. Которого у вас и нет.

ЛЕВ. Может и счетчик Гейгера подойти, все одно. Ба, да мы с вами заговорились, а измерения все же необходимо провести.

АЛЬФРЕД. Так, как же вы их проведете, когда у вас и приборов нет этих самых?

ЛЕВ. Как нет? Всегда со мной, Альфред Айзикович, вы что забыли? Всегда со мной.

Лев Семенович нагибается и достает из-под стула чемоданчик, открывает его и вытаскивает оттуда небольшой продолговатый чехол, в котором находится градусник. Открыв чехол и вытянув градусник, Лев

Семенович опускает его в чашку с чаем и внимательно смотрит. Через несколько секунд смотрит задумчиво на Альфреда Айзиковича.

ЛЕВ. Ну вот, коллега, прибор показывает, что чай остыл.

Оба ученых вздыхают, затем выплескивают чай себе за спину. Альфред Айзикович вновь разливает чай по кружкам, из них поднимается пар.

АЛЬФРЕД. Теперь будем проверять моим способом.

ЛЕВ. Полагаясь на “ваши ощущения”?

АЛЬФРЕД. Они меня никогда еще не подводили.

ЛЕВ. Эх, с вашими ощущениями и измерять ничего не надо. Но я не хочу обжигаться. Хватит. Сто раз проверь и еще один потом.

АЛЬФРЕД. Но ведь это же прекрасно! Обжечься. Почему бы и нет? Почувствовать соль жизни.

ЛЕВ. Мы физики, а не какие-то там романтики.

АЛЬФРЕД. О, мой уважаемый Лев Семенович, физика и есть настоящая романтика и мечтания. Без них и не было бы той самой физики, без этого чувства познания неизвестного и мечтаний о невероятном, что самые невообразимые вещи возможны. Думал ли человек, что полетит в космос триста лет назад? Да нас бы сожгли на костре, мой друг.

ЛЕВ. Всякие глупости говорите и радуетесь этому.

АЛЬФРЕД. Почему же? Я считаю, что при правильно рассчитанной формуле и доказательный эксперимент можно не проводить. Полагайся на зрение, слух, обоняние, и чувства все подскажут.

ЛЕВ. И несуществующее шестое?

АЛЬФРЕД. И существующее шестое.

ЛЕВ. И что же оно вам говорит сейчас?

АЛЬФРЕД. *(смотрит на карманные часы)* Что вот-вот наш старый добрый друг должен объявиться.

Входит Джон Мюрдер.

АЛЬФРЕД. *(улыбаясь)* А, вот и он!

ЛЕВ. *(вскочив)* Джон!

ДЖОН. Лев Семенович! *(обнимает)* Альфред Айзикович *(целует стилем Брежнева)* Рад, рад. Рад, что наконец-то добрался до вас!

АЛЬФРЕД. Так садись скорее! Устал ведь с дороги.

Джон садится на место Альфреда Айзиковича. Альфред Айзикович наливает ему чашку чая, из нее поднимается пар. Садится рядом со Львом Семеновичем на новый стул. Лев Семенович вновь опускает градусник в свою чашку, помешивает им, внимательно смотрит и утвердительно кивает.

ЛЕВ. Все! Можем пить!

Выпивает залпом всю кружку и довольный откидывается назад, поглаживая себя по животу. Альфред Айзикович качает головой и, оставив мизинец, аккуратно и медленно пьет из своей кружки. Джон Мюрдер делает пару глотков.

АЛЬФРЕД. Джон, мы так давно не виделись. Я слышал – тебя вновь номинировали?

ДЖОН. Да, номинировали, представьте себе. Работа, которая должна дать новое слово миру химии.

ЛЕВ. И в чем же она заключается?

ДЖОН. В исследовании биологических энергий, возникающих при химических реакциях. Мы сможем синтезировать те полезные элементы, которые нужны организму и которые мы получаем из еды, что значит человек не будет затрачивать энергию на переработку пищи, а все полезные элементы будут поступать в организм сразу. КПД будет стопроцентным!

АЛЬФРЕД. И как же ты додумался до этого, мой друг?

ДЖОН. Случайно. Вечером, сидел у себя на крыльце, смотрел на звезды, как обычно. Размышлял. А потом неожиданно для себя уснул. И вот во сне, мне привиделось, что “звезда” ко мне спускается и со мной разговаривает. И говорит мне, мол, посмотри на меня, я вечный двигатель и человек может быть им, если направит всего себя на созидание. А как? Значит надо бодрствовать двадцать четыре часа в сутки. Значит надо свести к минимуму прием пищи, время сна, и делать, что заниматься исследованиями. И вдруг звезда начала падать на меня. И больно стукнула, аж в голове зазвенело. Я упал с крыльца и проснулся.

ЛЕВ. И что потом?

ДЖОН. Что? Побежал в лабораторию, конечно же! Вычислять. Начал вот с приема пищи, разработки вечной биологической энергии.

АЛЬФРЕД. Это ты молодец, Джон. Молодец!

ДЖОН. *(отпив)* Да, честно признаюсь вам, мои друзья и коллеги по учености, без вас не видать мне этой премии, ни сейчас, ни тогда!

ЛЕВ. Да, что мы.

АЛЬФРЕД. Ведь мы же ничего собственно и не сделали.

ДЖОН. О, нет, друзья мои, вы сделали гораздо больше. Вы спасли мою жизнь и репутацию. Без вас та история все же могла обернуться по-другому.

АЛЬФРЕД. О, это была удивительная история, несомненно.

ДЖОН. Так, что я вас и поблагодарить - не поблагодарил. Все дальше так завертелось.

ЛЕВ. Это был наш долг, как друзей. Тем более вся нелогичность истории в начале меня очень сильно нервировала.

ДЖОН. Согласен, спасибо, что поверили мне. Та история меня многому научила...

АЛЬФРЕД. К примеру, что каждое лицо лишь маска?

ДЖОН. И это тоже.

ЛЕВ. А все, казалось так неразрешимо.

АЛЬФРЕД. Особенно, когда мы все собрались в гостиной отеля “Нафальгар”...

Холл гостиницы. Все так же, но вместо чайника (самовара) стоит ваза с засохшими цветами. В правом углу на столе лежит Джон Освальд Фишер – убитый. По центру сидит со связанными сзади руками Джон Мюрдер. Все остальные участники стоят произвольно. Горничная, с завязанной в китайском стиле гульке, но с одной спицей, находится в стороне, чтобы ее не заметили, протирает стену, полки, покойника. Порой сзади проходит постоянный гость в халате и с чашкой чая. Так он ходит на протяжении всех основных моментов истории – нахождение улик и дача показаний. Он иногда наблюдает, но его никто не замечает. Все немного возбуждены и разговаривают перебивая друг друга.

Миссис Квазимодо сидит во всем вязаном, Кристиан одет очень по-педаантски. Часто поглядывает на свои часы, словно чего-то ждет. Ян постоянно поправляет свой костюм – он ему мал. Олаф приглаживает волосы.

ЛЕВ. Уважаемые, прошу успокойтесь. Успокойтесь. У нас есть заявление для чего мы вас всех здесь собрали! Ведь все так логично! Послушайте.

ЯН. Это вы правы – все и так ясно! Надо только дождаться пока расчистят завал.

ОЛАФ. Правильно, правильно, господин полицейский.

АЛЬФРЕД. Прошу вас, дайте слово моему товарищу. Мы все возбуждены от того, что здесь произошло, и я тоже. Но дайте нам слово.

ЛЕВ. Мы хотим сказать, что наш друг, Джон Мюрдер не убивал Джона Освальда Фишера!

ЯН. Как это?

СИМОНА. Ах, боже мой! Порешил он его, как есть порешил! А вы говорите нет, словно он ягненок невинный на заклании. Но кто? Кто тогда, если не этот мерзавец! (к Джону) Я бы тебя ножиком, если надо было бы! Я бы тебя к скале, пусть ворон клюет твою печень! Я бы тебя...

АЛЬБЕРТ. (к Симоне) Дорогая, дорогая, не нервничай понапрасну. У тебя и так бледный вид лица.

СИМОНА. Хорошо, хорошо. Не буду, Альбертик. (сплевывает через щель в зубах)

КРИСТИАН. Ей это полезно, пускай понервничает.

АЛЬБЕРТ. Оставь ее в покое.

СИМОНА. Ты чё сказал? Ах, ты невежда, я ведь так и знала, но надеялась, что ты порядочный. Да, я тебя насквозь вижу, ты, Дориан Грей, мать твою.

Кристиан разводит руками.

ЯН. И все же тише. Я бы хотел выслушать, что они нам скажут.

ОЛАФ. А я говорил вам, господин полицейский, что это все фарс, чтобы вывести следствие по ложному следу. (подходит сильно близко к Яну, чуть ли не целует ему руки, прогибается перед ним)

ЛЕВ. Отнюдь.

ЯН. И все же, если вы попытаетесь... *(показывает на кобуру)*

АЛЬФРЕД. О, нисколько! Мы лишь хотим помочь невинно осужденному... и так уж вышло нашему другу, химику Джону Мюрдеру.

ЛЕВ. Итак, сегодня, как вы знаете, в семь часов утра было обнаружено тело выдающегося ученого химика Джона Освальда Фишера, в обеденной зале. Поскольку рядом с телом уважаемый господин администратор обнаружил нашего друга Джона, душащего мистера Фишера, то, как он говорил ранее, по горячим следам решил действовать и закрыл дверь. Тем самым оставив нашего друга внутри комнаты с убитым до приезда полиции в лице многоуважаемого мистера Яна Йоханссона. Да, никто не отрицает того, что у них были неоднократные стычки на почве их научных интересов и то, что они считались чуть ли непримиримыми врагами. Все: улики, мотив, а также непосредственное нахождение вблизи убитого, указывает на то, что убийца и есть наш друг. Но это не так. И мы заявляем вам, что настоящий убийца все еще здесь, и он в этой самой комнате!

Поднялся гул. Все говорят разом, "Что?", "Невозможно, "Немыслимо", "Как вы смеете!" и "Ах, боже мой, какая ужасная поэтическая смерть, что б её!" и т.д.

ЛЕВ. *(берет большой рог из чемодана и дует в него. Когда все с удивлением обратили на него внимание, произносит)* А я все думал, когда он мне понадобится, надеясь, что не в четвертом измерении. *(к Альфреду)* Прошу коллега, продолжайте.

АЛЬФРЕД. Господа, господа, прошу тише. Мы все расскажем.

ЯН. Вы подвергаете сомнению официальное расследование?

АЛЬФРЕД. Помилуйте, расследования-то никакого и не было. Вы приехали и тут же связали Джона. Хоть не в наручники и на том спасибо.

КРИСТИАН. Расследование уже все доказало. Мы всего лишь только должны дождаться, когда расчистят мост от завала и приедет полиция. *(хочет закурить, но его останавливает горничная, указывая на табличку, "Здесь не курят", сзади проходит постоянный гость с табличкой "Я все видел, я знаю кто убил")*

ЯН. Хи-хи, но полиция уже здесь и во всем успешно разобралась.

ЛЕВ. Конечно, вот только не увидела существенных деталей, рушащих всю вашу логическую цепочку.

ОЛАФ. Есть свидетель! *(Постоянный гость улыбается, но падает с лестницы назад, все оборачиваются, никого не видят, пожимают плечами. Олаф вновь поворачивается к Джону)* Я своими глазами видел, как он убил!

ДЖОН. Да ничего ты не видел, дурак!

ОЛАФ. Вы слышали?! Вы слышали, занесите, господин полицейский, оскорбление, занесите! *(Пробует поцеловать руку, но сам себя одергивает)*

ЯН. Занесу. Занёс. Хи-хи.

Раздаётся грохот. Лев Семёнович швыряет на пол железный поднос. Все обернулись к нему. Рядом лежит раскрытый чемоданчик.

ЛЕВ. Ха, и это работает. А логической связи нет между предметами, или есть? *(К героям)* Господа, заваленный камнями мост будет расчищен ещё часа через два, а то и три. Провода ведь тоже перебило, связи с городом нет. Поэтому логичным будет заключить, что время у нас выслушать друг друга предостаточно. И попрошу принять к сведению тот факт, что Джон Мюрдер все же не убийца.

ДЖОН. Спасибо, Лев.

ЯН. Я попрошу! Я могу привлечь за осознанное ведение следствия по ложному следу. Мы знаем, что Джон ваш друг, и что вы хотите его оправдать. Я бы и вас мог подозревать, если бы вы не приехали в одно время со мной. Садовник!

АЛЬФРЕД. Что?

ЯН. Что?

АЛЬФРЕД. *(отмахивается)* Никто и не спорит, что Джон наш друг, и мы хотим его оправдать.

ЛЕВ. Видите ли, в науке есть много казусов и нелогичностей. Взять хотя бы кота Шредингера, который непонятно умер он или нет. *(Постоянный гость как раз прогуливается с котом, смотрит на него, проверяет пульс, вздыхает с облегчением и выкидывает его)* Или же я без проблем могу доказать вам, что два плюс два равно пяти и вы даже не заметите, где я провёл вас вокруг пальца мнимыми корнями. В истории Джона Мюрдера то же самое, на лицо мнимое доказательство, или же ложная слепота. Глаза Олафа увидели картинку, и он решил, что так и есть, Джон душит мистера Фишера – Джон – убийца. Но господин администратор ошибается.

ОЛАФ. Клевета! Я знаю, что я видел. Попрошу! Занесите, господин полицейский, занесите, клевета! Будьте добры!

ЯН. Успокойтесь, господин администратор, занесу. Хи-хи. И, если Джон Мюрдер не убийца, то, кто же тогда?

ЛЕВ. А вот это очень интересно. Это мы сейчас и выясним, уважаемый мистер Йоханссон. Нам удалось найти некоторые улики доказывающие невиновность Джона, и поэтому я прошу выслушать истории этих людей, чтобы выстроив логическую цепочку, сделать абсолютно-истинный вывод.

ЯН. Я не сомневаюсь, что вы хорошие учёные, но в деле о раскрытии преступлений профессионал здесь я.

АЛЬФРЕД. Да, что вы в самом деле? Ведь никто и не сомневается в вашем профессионализме. Помилуйте, мы лишь просим вас избавить от тюрьмы невиновного и наказать настоящего убийцу.

ЯН. И что же? Что вы предлагаете?

ЛЕВ. Выслушаем версии этих людей.

КРИСТИАН. Я не собираюсь участвовать в этом фарсе. Вы нашли убийцу, его застали прямо на месте преступления! И я не могу больше терпеть. Мне надо покурить, уже прошло ровно двадцать три минуты! *(закуривает, делает одну затяжку, облегчённо вздыхает, выбрасывает сигарету, достает салфетку, протирает руки)*

СИМОНА. Ах, боже мой! Словно паноптикум какой-то! *(слёвывает)*

АЛЬБЕРТ. Дорогая, не переживай только понапрасну. Это портит цвет лица, и нервы.

СИМОНА. Не буду, Альбертик. *(достаёт пудру, пудрит себя, потом Альберта)*

ЛЕВ. *(ударяет по камертону, достав его из чемоданчика)* Попрошу, господа, вернемся к нашему делу.

КРИСТИАН. Я все же сомневаюсь в этой вашей аванюре. Тем более у меня есть только тридцать минут, и мне надо будет умыть лицо, так как каждый час надо умывать лицо и руки. Микробы так и ждут, чтобы поскорее захватить ваше тело.

АЛЬБЕРТ. Майн зуан, ведь ничего такого же нет здесь?

КРИСТИАН. О, нет, майн ватер, посмотри сколько здесь грязи.

ЛЕВ. Господин администратор, пожалуйста, расскажите присутствующим ещё раз, что же произошло. Что вы видели?

ОЛАФ. Если только с позволения господина полицейского. Так сказать, содействие нашей полиции. *(Кланяется)* Вы записываете?

ЯН. Все до каждой запятой.

ОЛАФ. Великолепно. Занесите в протокол, что я всецело полагаюсь на решения следствия и содействую ему, что ни в коем случае не препятствую, в отличие от некоторых других гостей.

ЯН. Занесу. Хи-хи. Начинайте уж.

ОЛАФ. Что ж. Я услышал крики.

Сцена 3

Все рассказанное администратором Олафом показывается на экране в виде черно-белого немого кино, либо разыгрывается самими актерами, где голос рассказчика звучит “за кадром”. Также происходит и с остальными рассказами героев.

Олаф стоит возле телефона. И пытается набрать номер. Ничего не выходит. Раздаются крики.

ОЛАФ. Вчерашний день не задался. Я не выпил утренний кофе, как обычно, а неприятности посыпались тут же, словно вода из ведра, оставленного каким-нибудь шалуном над проемом двери. Я пытался дозвониться в город, узнать что там с моей любимой болонкой Софи, оставленной на попечение моего свояка. Кхм-кхм, знаете, сейчас такой новый штамм гриппа ходит. Ужас! Вы записываете?

Так вот, я пытался набрать номер и слышу крики внизу. Я думал снова что-то не поделили эти двое, де Дювы, вечно крики из их номера. И все же, я услышал другие нотки. Угрозы убийства! Да-да, я сам слышал, вот этими вот ушами. Записываете?

Долг зовет, знаете ли. Даже пришлось забыть о моей ненаглядной Софи! Не одевшись, а лишь только запахнув халат, я сбегаю вниз. Когда я добежал до пролета, откуда виден холл, я увидел престранную картину. Вижу приоткрытую дверь в обеденную залу! Но ведь она должна быть закрыта, говорю я себе. И вот я иду к ней. И что же я вижу? Я вижу, как Джон Мюрдер, вот этот самый ваш друг, склонился над бедным мистером Джоном Освальдом Фишером и душил его!

Всё возвращается в реальность. Альберт де Дюв сидит рядом с Симоной на подлокотнике кресла, а Симона соответственно в кресле, иногда рука её достаёт из кармана фисташки, где шелуху она сплевывает в руку к Альберту. Кристиан де Дюв сидит в другой стороне, заложив ногу за ногу. Лев Семенович прохаживается вдоль холла от одной стены к другой. Альфред Айзикович разглядывает покойника. Ян Йоханссон записывает показания Олафа. Горничная протирает труп, затем отходит на задний план. Постоянный гость пьет чай, наблюдает, достаёт из кармана градусник из первой сцены, смотрит, опускает, мешает чай, пьет дальше.

ДЖОН. Не душил я его!

СИМОНА. Ах, какой кошмар! Словно левиафан, пришедший пожрать славного моряка. *(сплевывает в руку Альберту шелуху)*

АЛЬБЕРТ. Кошмар, конечно, ужас! *(кладет всю шелуху себе в карман)* Симона, майн зонне, ты только не волнуйся.

КРИСТИАН. *(подходит к трупу)* А мне сразу этот старикан не понравился. И руки он не мыл, всегда грязь была под ногтями.

АЛЬБЕРТ. Как ты смеешь так говорить, майн зуан? Он был великий человек.

КРИСТИАН. Да, только теперь он мертв. Его помоем кто-нибудь?
Горничная вздрогнула и сильнее начала протирать.

ЯН. Тише, я здесь закон. Закройте окна! Говорить будете, когда свидетель даст показания.

КРИСТИАН. Какие окна?

ЯН. Окна? *(к Олафу)* Продолжайте.

ОЛАФ. Благодарю. Записываете? Собственно, дальше нечего и рассказывать. Я сразу подкрался к двери и закрыл ее, чтобы преступник не сбежал. Хотел оказать полное содействие полиции, так сказать, чтобы по горячим следам. Я даже позвонить вам не успел – вы уже здесь. Вот это оперативность! Записали?

ЯН. Да-да, все записал. Хи-хи. *(немного смущенно на слове “оперативность”)*.

ОЛАФ. Прекрасно, что вы все записываете. Мне бы хотелось, чтобы отметили, что содействовал, чтобы указано было.

ЯН. Все, будет, и благодарность вам выпишем.

ОЛАФ. Замечательно. Я лишь только содействую.

ЯН. Вы оказали неоценимую услугу. Что вы на это скажете, подсудимый?

ДЖОН. Ложь. Наглая ложь. Я не душил его! Я пульс проверял. Лжец! Негодяй! Сложно было проверить?! Невинного запер!

ОЛАФ. Прошу занесите! Оскорбления главного свидетеля!

ЯН. Свидетель говорит, что видел, как вы душили.

ДЖОН. Я не душил, еще раз вам говорю.

ОЛАФ. Вы двумя руками держали его за шею!

ДЖОН. А, попробуй, ты пульс прощупать, когда у него три подбородка! *(возвращается горничная, поднимает подбородок начинает протирать тряпочкой под ним)*.

АЛЬФРЕД. Но позвольте, позвольте, господин полицейский, вот здесь и находится одна из главных несостыковок.

ЛЕВ. Нелогичностей, как я бы сказал.

ЯН. И какая же?

АЛЬФРЕД. Позвольте, только пару вопросов, к господину главному свидетелю.

ЯН. Пожалуйста.

АЛЬФРЕД. Вы не заметили никого и ничего странного пока спускались?

ОЛАФ. Ничего. Абсолютно ничего.

АЛЬФРЕД. Быть может госпожа горничная видела? Милочка, подойдите сюда.

Встревоженная Эмма оборачивается.

АЛЬФРЕД. Не бойтесь. *(к Олафу)* Как ее зовут?

ЭММА. Меня зовут Эмма.

АЛЬФРЕД. Эмма, не бойтесь. Я лишь задам вам пару вопросов по поводу вчерашнего утра.

Эмма подходит ближе.

ЭММА. Х-х-хорошо.

АЛЬФРЕД. Вы убирались вчера в гостинной зале утром?

ЭММА. Д-да.

АЛЬФРЕД. Замечательно, а вы достаточно ответственная горничная?

ЭММА. Я везде убираюсь.

АЛЬФРЕД. Гм-гм. Прекрасно. Нас интересует следующее. Скажите, милая девушка, когда вы убирались вчера в обеденной зале, заметили ли вы что-нибудь, чего не должно там быть? Что-то лишнее, скажем платок?

ЭММА. Платок? Нет-нет-нет. Ничего такого не видела, я все убрала, все было чисто.

ЛЕВ. Странно, но дело в том, что мы нашли платок. Под столом, рядом с которым и лежал убитый мистер Фишер.

Лев Семенович аккуратно подходит к столику.

ЛЕВ. На нее же не было нареканий, мистер Олаф?

ОЛАФ. Не знаю, работает она хорошо, кажется.

Лев Семенович достает из-под столика свой чемоданчик, а из него уже платок. Протягивает его Яну Йоханссону. Постоянный гость сзади на лестнице разбрасывает платки.

ЯН. Да ведь он же в крови!

ЛЕВ. Именно так.

ЯН. Но в чей же?

ЛЕВ. Скорее, что в крови мистера Фишера. Но примечательно не это. Мы можем сделать логический вывод, что платок оказался там до прихода мистера Мюрдера и после уборки. Значит мы должны спросить владельца этого платка, как этот платок там оказался?

ЯН. А кто же владелец?

ЛЕВ. Взгляните на край платка.

ЯН. “С.К.”

ЛЕВ. Это инициалы. И если вы потрудитесь заглянуть в гостевую книгу... Как ваша фамилия госпожа Симона?

СИМОНА. Де Дюв.

КРИСТИАН. Вы еще не женаты с моим отцом.

ЛЕВ. Спасибо, Кристиан. Ваша девичья фамилия.

СИМОНА. Квазимодо.

ЛЕВ. Или “С.К.”, просто как формула теории относительности. Как же он оказался около убитого. Не поясните?

СИМОНА. Ах, боже мой! Да как вы смеете, хотите камень в меня бросить. Словно я проститутка! Ах, боже мой! И как я тут оказалась? Это все этот мерзавец! Все он!

Симона бросается на Джона.

Её тут же оттаскивают.

ЯН. Успокойтесь, госпожа Квазимодо, а не то я буду вынужден применить меры!

ОЛАФ. Вам лучше послушаться господина полицейского.

Симона успокаивается, но все ещё злобно смотрит в сторону Джона. Альфред Айзикович наливает чашку чая. Протягивает ей.

АЛЬФРЕД. Вот возьмите, говорят, чай помогает успокоить нервы.

АЛЬБЕРТ. Да-да, выпей дорогая. Тебе нельзя нервничать.

СИМОНА. Я не яйцо, а ты не курица. И я спокойна.

КРИСТИАН. *(про себя)* Ишь раскудахталась!

АЛЬБЕРТ. Ладно-ладно. Но, скажи, откуда у них твой платок?

ЛЕВ. Да, мы здесь, видите ли, хотим выяснить, что же случилось. Так сказать, собрать всю цепочку событий воедино.

СИМОНА. Все же ясно! Вот убийца перед нами! Подонок! А платок, ах, платок? Но пусть он сам вам все расскажет, ведь я слышала сама их крики вчера *(к Джону)* Да-да, я все слышала! Я знаю, что ты замышлял! Я всех тут насквозь вижу, чтоб вас!

АЛЬФРЕД. *(с улыбкой)* Джон? Я начинаю сомневаться, зачем мы ввязались в это дело?

ОЛАФ. А я говорю, что он. Я видел, как он душил.

ДЖОН. Да не душил я его! Повторяю вам в который раз! Послушайте же!

СИМОНА. Я слышала на кровавом рассвете, прямо перед убийством. Знаки не ввали бы мне. Ещё бы, демоны преисподней как раз забирали с собой невинную душу. *(Сплёвывает)*. Ах, какая трагедия! Вы говорили с ним в гостиной! Я спустилась посмотреть. Вы кричали на него.

ЯН. И что же он кричал?

СИМОНА. Кричал, что не потерпит конкуренции, что убьёт его.

ОЛАФ. Вот она – прямая угроза жизни! Это ли не доказательство?!

ЛЕВ. Нисколько. Физика может доказать вам, что существует оптический обман, как и слуховой.

СИМОНА. Вы называете меня лгуньей?

ЛЕВ. Отнюдь. Я лишь только говорю, что угроза ещё не действие.

ЯН. И все же, что же было тогда в гостиной? Быть может, подозреваемый пояснит нам?

ДЖОН. Наконец-то! Благодарю вас.

Сцена 5

Действие переносится в гостиную. Друг напротив друга стоят Джон Освальд Фишер – убитый и Джон Мюрдер. Они о чем-то горячо спорят. Голос Джона Мюрдера говорит «за кадром».

ДЖОН. Да, действительно, вы знаете, что мы с Джоном Освальдом Фишером давние враги. Ну, как враги. Скорее, мы очень сильно недолюбливали друг друга. Такая сильная неприязнь. Тем более, мы оба химики, а вы знаете, какая огромная конкуренция среди химиков в наше время! Чего взять недавний случай, когда доктор Джекилл облил кислотой мистера Хайда! Но я не такой. Да, я вспыльчивый, но дальше громких слов, до рукоприкладства дело не заходило никогда. А тут ещё четыре года назад Джону дают самую видную премию в области науки – Нобелевку. В химии! Конечно, ему все завидовали. Тем более он получил такой грант, что смог дальше развивать свои теории и стать почётным членом мирового химического сообщества. А вы знаете, как трудно молодым химикам пробиться?!

Однако я потратил много лет, работая над своей теорией. Я был упрям, упорен в своей мечте. Наконец, долгожданное признание и самая высокая награда! Я был вне себя от радости! Вы можете себе представить – ваша заветная мечта сбывается? Самая заветная! Я, наверное, пробил головой потолок! И вскоре я пакую чемоданы и еду за своей долгожданной, выстраданной многолетним трудом, наградой. Каково же было моё удивление, когда по приезду сюда я узнаю, что и Джон Освальд Фишер здесь. Что и он снова номинирован на премию и что гранд будет разделён между нами! А ведь у меня были уже такие планы на этот гранд. Я уже спланировал свою новую лабораторию досконально, и какие удивительные опыты я смогу проводить в ней. А тут мой главный соперник! Конечно, я был вне себя!

И через день после моего приезда мы столкнулись с ним в холле, в гостиной. Я удержал его, просил, требовал, чтобы он отказался, ведь зачем ему вторая награда? Что надо дать дорогу молодым. Но он был упрям, и не хотел сдавать позиций. Мы начали кричать друг на друга. Мы закипали, словно бесконтрольная химическая реакция, оставалось только бросить катализатор, чтобы колба взорвалась. И тут он оттолкнул меня, сказал, что я не достоин этой премии, что я буду порицаем в высшем обществе химиков, куда я так стремился попасть и где жаждал добиться признания. И он еще раз толкнул меня - это оказалось последней каплей, а дальше на меня словно затмение нашло. Возможно, тогда я и крикнул, что убью его. Кровь прилила к голове от закипевшей ярости и досады. Я ударил его. В лицо. Кулаком. Я не хотел, но кровь застучала у меня в висках. И я ударил. У него из носа кровь пошла. А я не переношу вида крови – мне становится плохо. Он достал платок и приложил его к носу. И я, испугавшись, убежал в беспамятстве к себе в комнату.

Я не находил себе места. Через несколько часов, я все же решился извиниться перед ним. Я направился к комнате мистера Фишера, но его там не было. Тогда я спустился вниз и обнаружил дверь обеденной открытой. Войдя туда, я увидел мистера Фишера на полу. Я кинулся к нему проверить пульс. Дотронувшись до шеи, я не мог его прощупать. Тогда я приложив две руки, видите ли, достаточно трудно прощупать пульс, когда шея такая толстая, я попытался его все же нащупать. Но он не дышал и пульс не прощупывался. А потом я услышал, как за мной закрылась дверь, и щелкнул ключ в замочной скважине.

Действие возвращается в настоящее.

ДЖОН. Меня заперли! Но кто? *(на администратора)* Теперь я знаю. *(на полицейского)* Сразу кинулись на невинного даже не разобравшись в деле. *(к физикам)* Спасибо, вам друзья мои, что поверили мне!

ЯН. Значит, вы не отрицаете, тот факт, что ударили убитого?

ДЖОН. Не отрицаю, но и говорю вам, что не убивал его!

СИМОНА. Ах, боже мой! Негодяй! Ударить такого человека!

ЯН. Попрошу вас, госпожа Симона. Закройте окна. Тише.

СИМОНА. Какие окна?

ЯН. Что окна? Я не понимаю.

ЛЕВ. *(перебивая их)* Видимо, этот платок, убитый и достал. Ваш платок, не правда ли? А как он к нему попал?

АЛЬБЕРТ. Дорогая, скажи, правда.

СИМОНА. Замолчи, дурак. Да, это мой платок.

ЛЕВ. И как же он попал к нему?

ЯН. Да, как?

СИМОНА. Я дала его мистеру Фишеру при встрече. Когда мы с ним познакомились, у него был насморк, и я одолжила ему платок.

ЛЕВ. Почему мистеру Фишеру? А не просто Джону?

СИМОНА. Простите?

ЛЕВ. Дело в том, что познакомились ли вы с ним здесь в отеле, или же это была долгожданная встреча спустя годы?

ОЛАФ. Простите, но какое это отношение имеет к следствию? Господин полицейский, мне кажется, его друзья хотят запутать вас.

ЛЕВ. О, нисколько. Дело в том, что Симона Квазимодо была знакома раньше с убитым. И даже больше, у них был роман.

СИМОНА. Что?! Да как вы смеете?!

ЯН. Что вы имеете в виду, Лев Семёнович?

АЛЬБЕРТ. Майн зунне, что он такое говорит?

КРИСТИАН. Ха, не так проста она, да, отец?

ЛЕВ. *(достает из чемоданчика небольшое фото и протягивает его Симоне)* Скажите, ведь на этом фото изображены вы? А рядом с вами мистер Фишер, не так ли?

СИМОНА. Откуда она у вас?

ЛЕВ. Видите ли, я посчитал логичным заглянуть в комнату убитого. И в шufflingке я обнаружил его дневник. Фото было среди страниц, где он описывал путешествие в Италию более двадцати лет назад и то, как он встретил там бедную поэтессу, и чуть ли не влюбился, но вынужден был уехать.

СИМОНА. Он бросил меня! Кинул меня!

ЯН. Что все это значит? Объяснитесь, госпожа Квазимодо!

СИМОНА. Да, я познакомилась с ним в Италии. Он приехал туда по каким-то своим делам. Я работала тогда официанткой в одном из небольших ресторанчиков. Пыталась прожить хоть как-то. Писала стихи и рассказы. Хотела издать свой сборник стихов о любви, мечтаниях юных дев и вольной жизни. Но денег не хватало иногда даже на еду, все уходило на съем комнаты. Джон часто заезжал к нам. В один из вечеров он задержался, моя смена закончилась. Он проводил меня домой. Вы не поймете, но тогда между нами словно что-то пронеслось. Нас потянуло друг к другу неотвратно! Меня словно накрыло какой-то волной, я была пьяна, ничего кроме него я больше и не видела, и...как вам описать, словно мы Бонни и Клайд. Словно внутри вас океан из самых прекрасных чувств! Такое неповторимо. Мы проводили каждый день вместе. Если я работала, он приходил ко мне, а после окончания смены, провожал меня домой. Мы разговаривали ночи напролет, но чаще нам было не до разговоров, мы растворялись друг в друге. Он даже помог мне с первым сборником, деньгами. И все было хорошо. Однажды я проснулась, кровать пуста. Его вещей нет. И только бумажка на подушке – «Ты не поймешь, но мне надо уехать. Наука – моя жизнь, и я буду всегда принадлежать ей». Я думала, я порву эту науку на морской флаг! Вы не знаете, что чувствовала я в тот момент. Опустошение? Многие потом смеялись, говорили, мол, дурочка, повелась, а он каждый год использует так молоденьких девочек, сидела у него на крючке.

Меня разрывало на части, словно из меня клещами вытягивали что-то, тянули изнутри. Но мне удалось это пережить. Дальше удача улыбнулась мне. Мой первый сборник хорошо продавался, и я ушла с работы. Смогла уехать из Рима, из этой чуждой мне зоны. Не могла больше выносить этот город. Уехала в Германию. А потом через несколько лет стала успешной писательницей. Поэтому я здесь, среди вас, получаю свою заслуженную награду, чтоб её! И я совсем не ожидала его тут увидеть. Возможно, я его и любила, всегда, не переставая. А теперь он убит этим мерзавцем!

АЛЬФРЕД. Спокойнее. Как видите, мистер Фишер не забыл вас. И возможно тоже действительно любил. Но больше он любил науку. И как её не любить, эх.

ЛЕВ. Как известно, аксиома, от любви до ненависти один шаг. Вы нас простите, госпожа Квазимодо, и вы, господин Йоханссон, и мистер Олаф, но я вынужден задать вам ещё один вопрос. Зачем вы убили мистера Фишера?

СИМОНА. Что? Да как вы смеете?

ЛЕВ. Но вы явно хотели этого, и здесь не обошлось без помощи еще одного лица, однозначно.

ЯН. Что на этот раз?

АЛЬФРЕД. Видимо мы подошли к самому интересному. Джон не убивал, не душил мистера Фишера, дело в том, что он был убит другим способом. И мы знаем, где находится орудие убийства.

ЯН. Что?

СИМОНА. Ах, что? Не может быть!

АЛЬБЕРТ. О, зачем вы заставляете, майн зунне волноваться. Тебе нельзя нервничать, Симоночка, это плохо для здоровья!

АЛЬФРЕД. Все очень просто. Я почувствовал, что необходимо осмотреть убитого, что я собственно и сделал. И заметил одну примечательную деталь. Небольшую дырку под подбородком. Пятно крови незаметно из-за воротника чёрной рубашки, а сама дырка из-за складок кожи на его, так сказать, извините, третьем подбородке. Но, если вы отвернёте ворот, то, присмотревшись, сможете увидеть это маленькое обстоятельство, меняющее дело.

СИМОНА. Да как вы посмели дотронуться до него?

ОЛАФ. Да, как вы посмели?

ЯН. Если вы ведёте следствие по ложному следу...

ЛЕВ. Ни в коем случае. Но мой друг обладает, так сказать, выдуманым им шестым чувством (*Альфред про себя «Оно существует!»*), и решил осмотреть тело. Так вот, за воротником он и заприметил эту важную деталь.

Подходят к убитому. Лев Семёнович отворачивает рубашку. Затем долго копошиться в складках подбородка.

ЛЕВ. Вот посмотрите. Видите? Словно родинка. Но уверяю вас, что так и был убит мистер Освальд Фишер. Вот этим самым ударом.

ЯН. Но чем же его убили? Ножницы.

ЛЕВ. Да, нет же! Все более чем логично! Я провёл измерения (*достаёт циркуль из чемоданчика*) Единственное орудие с таким диаметром и длиной предполагает под собой маленькую вязальную спицу. Или иголку.

ЯН. Вязальную спицу? Я не ослышался?

АЛЬФРЕД. А единственный человек, увлекающийся вязанием, сидит перед вами с платком в руках. Я думаю, если мы поднимемся в комнату миссис Квазимодо, то найдём там и спицы, и, возможно, среди них одну окровавленную, если она от неё ещё не избавилась. Видимо ваша ненависть к нему оказалась сильнее. И спустившись на крики, и увидев предмет своей ненависти, вы не удержались и ударили его, попутно не упустив момент обвинить во всем бедного мистера Мюрдера. Удивительно!

СИМОНА. Ах, боже мой! Да как вы смеете?!

АЛЬБЕРТ. О, майн зунне, но что они такое говорят? Как такое может быть, чтобы ты убила?

ЯН. Извините, но я должен связать вас до выяснения всех обстоятельств.

СИМОНА. Что вы себе позволяете?

ЯН. Простите, но таков закон. Теперь вы подозреваетесь в убийстве мистера Фишера. На лицо мотив.

СИМОНА. А орудие? Да, я вижу, но я не делала эту мокруху! Ах, трагедия достойная Шекспира!

АЛЬБЕРТ. Ты только не волнуйся, моя тычиночка!

ЛЕВ. Мы должны обыскать её комнату.

АЛЬФРЕД. *(к Альфреду и Симоне)* Полноте вам. *(к Яну)* Я чувствую – мы что-то найдем в её комнате.

ЯН. А это мы сейчас и выясним. *(Ко Льву)* Наверх в комнату Симоны! Не спускайте глаз с преступников!

ОЛАФ. Слушаюсь!

Мистер Йоханссон и физики уходят по лестнице на паранет.

Сцена 6

Кристиан достал ножнички и начал подрезать ногти.

Появляется постоянный гость. Он подходит к трупу, хочет дотронуться до трупа, но передумывает. Улыбнувшись, смотрит в зрительный зал. Спускается к зрителям и начинает рассматривать их одного за другим, словно они подозреваемые. Делает пометки в блокноте и шепчет про себя “Подходит”, “Может быть”, “Точно нет”. Уходит.

Ян Йоханссон и физики возвращаются. Лев Семенович идет с высоко поднятой рукой, в которой аккуратно держит мешочек со спицей с окровавленным наконечником. Альберт хватается за сердце.

АЛЬБЕРТ. Симона, видишь? Спица! Но как она оказалась в твоей комнате? Ты что убила мистера Фишера?

СИМОНА. Нет, я ни в чем не виновата! Подстава! Ах, я не понимаю, как эта спица даже оказалась у меня! Я привезла их с собой, но так и не распаковала их.

ЯН. Мы их обнаружили, шарясь в ваших вещах.

Альберт продолжает держать за руки Симону.

СИМОНА. Подозреваемые нынче меняются, как окраска бешеного хамелеона. Ну и что дальше?

КРИСТИАН. Данке. *(закончил подрезать)* Я могу сказать? Мне все это надоело. Весь этот фарс. Тем более у меня есть две минуты, прежде чем я буду вынужден покинуть вас, по причине более важной для меня *(смотрит на руки)*. Прости, отец, но больше я терпеть её жалкой игры не намерен. *(к остальным)* Все очень просто. Как вы могли заметить, у нее роман с моим отцом, длящийся уже на протяжении нескольких лет. Она хочет забрать твои деньги, полученные с премии. Вот для чего она так долго была рядом. Она и с Джоном была из-за этого, подлая и ничтожная. Но она также хотела подставить и тебя, майн ватер, вот только я это понял раньше тебя. Поэтому, пусть расскажет, как спланировала это убийство.

АЛЬБЕРТ. С первого дня ты возненавидел ее. Я знаю, ты ревновал. Тебе не понять, ты не любил. Я уже тысячу раз извинялся за то, что оставил вас с мамой.

КРИСТИАН. О, да! Только вот скажи это маме. Ах, только она тебя уже не услышит, лежа под многометровым слоем земли. И откуда ты знаешь, что я не любил? Ведь ты был так поглощён своей многоуважаемой музой.

АЛЬБЕРТ. Не смей! Молчать!

ЛЕВ. Успокойтесь оба!

КРИСТИАН. Да как вы не видите! Все же, как вы говорите, логично. Мой отец - физиолог и он точно знал, в какую часть тела бить. Ведь ты же боялся, что она, увидя его, бросит тебя!

АЛЬБЕРТ. *(задыхаясь)* Как ты смеешь!

Альберт сильно задыхается.

СИМОНА. У него приступ. Быстрее ингалятор! Швайна, или как там? Быстрее, а не то он задохнется.

Лев Семенович кидается к своему чемоданчику. Выбрасывает оттуда всякую мелочь. Затем победоносно вскидывает ингалятор и подбегает к Альберту де Дюву. Альберт использует ингалятор, дыхание уравнивается.

КРИСТИАН. Видите ли, мой отец очень искусен не только в области физиологии и медицины, в которой собственно нас и награждают, но и превосходно разбирается в ядах.

АЛЬБЕРТ. *(кидается на Кристиана)*Негодяй! Это ты! Я слишком поздно заметил пропажу. Больше никто не мог. Это не я ревнивец, а ты. Это ты мне мстишь за то, что я оставил вас с матерью. Но Симона в этом не виновата! Ты убил и даже если ты против меня, не втягивай в это ее.

СИМОНА. Ах, мой дорогой Альберт! Я так тебя люблю! Мы словно Бонни и Клайд. Давай убежим потом к закату, когда этот фарс закончится! Я так люблю тебя!

АЛЬБЕРТ. Я тебя тоже, мой круссон.

КРИСТИАН. Да-да, наслаждайтесь сейчас каждой секундой. Дело в том, что у меня есть доказательство. Записка от Симоны к моему многоуважаемому отцу. Вот, полюбуйтесь *(надевает белую перчатку и достает записку, протягивает ее Льву Семеновичу)*Почитайте, почитайте!

ЛЕВ. *(берет записку, читает)* Прошу тебя, любимый мой, оставь это в вазе с цветами, что на столике в гостевом холле. А дальше так, как ты и говорил, прямо в сердце, ядом, тем самым, что ты сделал.

Лев Семенович подходит к вазе, достает засохшие цветы, переворачивает вазу, из нее выпадает маленькая колбочка с зеленой жидкостью.

АЛЬБЕРТ. Майн Гютэ! Это не я! Я разительно не понимаю, как она туда попала!

ЯН. Конечно не вы! Здесь все происходит само собой.

КРИСТИАН. Вот вам мое доказательство, что мой отец и его любовница Симона с самого начала замыслили убить мистера Фишера.

АЛЬФРЕД *(вместе с полицейским смотрят на записку)*Да, действительно, почерк женский. Это вы писали? *(к Симоне)*

СИМОНА. А вы мне поверите, если я скажу, что нет? Точно паноптикум!

ЯН. Вы правы. Можете ли вы предоставить нам, какое-либо доказательство, что это писали не вы?

КРИСТИАН. Зачем? Если и так понятно, что это она! Почерк женский, мотив на лицо. *(снимает перчатку)*

ДЖОН. Ага, мы это уже проходили. Главное, чтобы было за что, а там тебя и спрашивать не будут.

СИМОНА. Пожалуй у меня есть, что предоставить вам...

АЛЬБЕРТ. Конечно, конечно, есть! Моя любовь не могла этого сделать...

СИМОНА. В моей комнате, наверху, под софой лежит чемодан. Там вы найдете дневник написанный моей рукой. Можете взять его. Только прошу, откройте на первой странице. Не читайте дальше.

ЯН. Все наверх, в комнату миссис Квазимодо.

ОЛАФ. А что делать с ним? *(на Джона Мюрдера)* и с ней? *(на Симону)*.

ЯН. Пока пусть побудут здесь. Следите за ней, мистер Олаф. Глаз с нее не спускайте. *(дает пистолет)*.

На заднем плане проходит Постоянный Гость и закуривает от пистолета, но тот стреляет и он падает от испуга. Все оборачиваются на звук, никого не видят.

ЛЕВ. Логично предположить, что что-то упало. Заодно и проверим что, когда пойдем в комнату мисс Квазимодо.

АЛЬБЕРТ. Любовь моя, я докажу, что это не ты, что это не я! Это все мой ненавистный сын, я уверен!

Ян Йоханссон, Лев Семенович, Альфред Айзикович и де Дювы уходят.

Олаф смотрит на пистолет, затем ехидно улыбается, выпрямляется спиной и размахивая пистолетом, начинает расхаживать по сцене, совершенно изменившись в лице.

ОЛАФ. Ух, наконец-то. Я все еще склонен был верить, что это вы подлец, мистер Мюрдер. *(размахивает пистолетом)* Видите ли, никто не замечает очевидного! Ах! Какие большие страсти крутятся вокруг этой премии. Вокруг этих денег. И так сложно было играть этого недотепу. Мистер полицейский, мистер полицейский, а так хотелось плюнуть ему в рожу! И надо отдать мне должное, я провел его за нос, вот что странно! Это подумать же надо – дать мне в руки пистолет. Ха! И самое удивительное – он не узнал меня! Ба! Вот так штука! Ах, как было бы хорошо, стрясти с вас побольше денег. Мисс Квазимодо преклоняюсь перед вами, вы мне нравились с каждым словом все больше и больше. Тем сложнее будет с вами расстаться. Но увы, завал нарушил все мои планы. А тут еще и убийство. Благо, что бедный администратор Олаф уже ничего не расскажет, лежа в подвале этой замечательной гостиницы. А ведь так все хорошо начиналось.

Вот, что мы с вами сделаем. Сюда через несколько часов все равно вместе с полицией приедет и руководство отеля, а они то уж точно знают, что я ненастоящий администратор, а мне не хочется в тюрьму. Надо делать ноги отсюда. Эх, как некстати подвернулось это убийство. Поэтому предлагаю следующий план, вы...

Олаф подходит близко к Джону, помахивая пистолетом. Тот неожиданно освобожденными руками бьет его по руке с пистолетом, они дерутся. Затем Джон бьет по руке сильнее, и пистолет отлетает к Симоне. Та поднимает его и направляет на администратора.

СИМОНА. *(испуганно, дрожащими руками)* Ни с места!

Олаф откидывает Джона, и кидается с криком на Симону. Она нечаянно щелкает затвором, но оказывается, что это зажигалка.

Олаф останавливается в недоумении и Джон бьет вазой по голове фальшивого администратора, и тот падает без чувств. Джон поднимает его, Симона ему помогает, и вместе они кладут его на стул. Джон его связывает.

ДЖОН. Не ожидал, что у нас тут будет еще один злодей! *(к Симоне)* Скорее, пока он не очнулся. Я знаю, кто убийца, но у нас мало времени. Скорее!

СИМОНА. Ах, давно хотела подержать пистолет в руках. Но как вам удалось освободиться?

ДЖОН. Разве это сейчас главное? Я должен схватить убийцу мистера Фишера, иначе будет поздно! Поверьте мне, что я не убивал! Вот, в знак моей невиновности в ваши руки отдаю свою судьбу. *(Дает ей нож, который висел у него за спиной).* *(указывает на администратора)* Но стерегите его! И ждите моего возвращения!

СИМОНА. Да кто же это, в конце концов?

ДЖОН. Я все расскажу. Время играет против нас!

Он убегает.

Сцена 7

Ян Йоханссон, Лев Семенович и Альфред Айзикович, Кристиан и Альберт де Дювы находятся в комнате Симоны. В отличие от холла столик стоит сбоку и один стул. Возле другого угла стоит софа.

АЛЬФРЕД. Так, она сказала, что дневник в чемодане. Скорее!

Альфред подбегает к софе. Находит там чемодан. Чемодан похож на тот, что у Льва Семеновича, тот даже немного растерялся. Открыв его и слегка в нем порывшись, достает дневник.

АЛЬФРЕД. Ха, вот и дневник!

АЛЬБЕРТ. Ах, майн гутте! Майн гутте! Я не могу. Что же там, не томите? *(использует ингалятор)*

ЛЕВ. Дайте мне дневник, коллега. Я измерю линии. Где подвести может глаз – инструмент науки – никогда! Дайте мне записку!

Кристиан нехотя протягивает записку.

Лев достает небольшую длинную линейку из чемоданчика и переносит записку и дневник на стол. Начинает измерять. Затем берет циркуль и продолжает измерения.

КРИСТИАН. Помилуйте, что вы в самом деле? У человека могут быть совершенно разные почерки в разных его состояниях.

ЛЕВ. Да, но все же некоторые элементы будут схожи и без них не обойтись. *(чихает)*

КРИСТИАН. *(достает платок и зажимает нос)* Что вам еще надо? Зачем это подтверждение, если есть записка. Мне надо идти, я с вами зря трачу время.

АЛЬБЕРТ. Постойте, мой дорогой сын, а не скажешь ли ты мне, раз это писала Симона, и писала мне, то как записка оказалась у тебя?

Все обернулись в сторону Кристиана.

ЯН. А вот это уже интересно. Хи-хи, закрытые окна. Действительно, как?

ЛЕВ. И как я упустил такую нелогичность!

КРИСТИАН. Что вы в самом деле? Я нашел ее на столике в комнате отца. Думал, что не прочитаю? А я возьми и распечатай её! Я слышал постоянно, как вы шушукаетесь.

АЛЬФРЕД. Какая неосмотрительность со стороны мистера де Дюва оставить столь важную записку на столике.

АЛЬБЕРТ. Да, если бы мы планировали что-нибудь с ней, мы бы хотя бы шифр придумали бы! Я все-таки не глупый, я ученый человек. *(вдыхает ингалятор)*

КРИСТИАН. Глупый – не глупый. Но все же записку я нашел на твоём столике, майн ваттер. А тут уже хотите верьте, хотите нет, но доказательство того, что какая-то женщина сообщила моему отцу о яде налицо. А здесь я видел только одну женщину.

ЛЕВ. Хм, все же я не нашел отличительных признаков. Быть может госпожа Симона нам что-нибудь пояснит. *(Протягивает дневник Йоханссону, дневник падает. Когда его поднимают, из дневника в это время выпадают бумаги, Лев Семенович поднимает их)* Господа, позвольте прервать вас. Тут прелюбопытнейшие документы.

ЯН. Хи-хи. И что же в них?

ЛЕВ. Это свидетельство о рождении Анны Фишер, а вот фамилия матери Квазимодо. *(смотрит на первую бумажку, затем протягивает ее полицейскому, тот Альфреду и де Дювам)* А также копия о сдачи ребенка в приют. Вот посмотрите. И дальше сложенное письмо.

ЯН. Читайте!

Затемнение

Сцена 8

Зюльденштульдхевич, Капитошкин, Йоханссон и Альберт и Кристиан де Дюв вбегают в гостиный холл. С удивлением обнаруживают связанного администратора и сидящую напротив него миссис Квазимодо.

АЛЬБЕРТ. Дорогая, что случилось?

АЛЬФРЕД. Боже, где же Джон?

ЯН. А я говорил вам, садовник, что ему нельзя доверять!

СИМОНА. Ах, наконец-то ты здесь! *(кидается к Альберту)*. Джон схватил его... он не настоящий... и вдруг хотел убить нас... но Джон знает, кто убил... но не он, кто-то другой... велел стеречь мне...ух, я бы им всем по мордасам *(сплевывает)*.

АЛЬБЕРТ. Майн зонне! Как тебе удалось пережить все это. Тебе же нельзя, плохо для цвета лица . *(достает пудру, но Симона отмахивается)*

СИМОНА. Да, нет же.

ЛЕВ. Я думаю, что наш друг, мистер Мюрдер, раньше нас догадался, кто убийца.

СИМОНА. Да, он убежал, сказал, что знает кто, и что время не терпит. Но кто же убил мистера Фишера?

АЛЬФРЕД. Пожалуй мы знаем. Но миссис Квазимодо, скажите, у вас есть дочь?

СИМОНА. Что? Как? Я не... нет, у нас нет детей.

АЛЬФРЕД. А от мистера Фишера?

СИМОНА. Но я...мы...

ЛЕВ. Видите ли, у нас есть все основания предполагать, что ваш роман с мистером Фишером был более чем удачным.

В это время сзади появляется на мостике Джон Мюрдер.

ЯН. У нас есть письмо от него к вам.

СИМОНА. Ах, письмо, да. Вы знаете, я все же надеялась, что вы его не найдете. Ах, да-да, письмо. Теперь вы все знаете, пожалуй.

АЛЬФРЕД. Почему же вы умолчали об этом? О том, что у вас родилась дочь от мистера Фишера?

СИМОНА. Я...не знаю...не думала, что это важно.

ЛЕВ. Что ж читайте, господин полицейский.

ЯН. Хи-хи. *(прокашлявшись)* Дорогая Симона, я рад, что тебя наградят в области литературы. Не поверишь, но я тоже награжден в этом году! В этом году мы будем жить в одной и той же гостинице. И я видел твоё имя в гостевой книге. Я встретил здесь девушку. Я сначала подумал, что это ты, но я ошибся, хотя она была как две капли воды похожа на тебя, когда мы с тобой познакомились более двадцати лет назад. Веришь, у меня до сих пор есть наше совместное фото. Я показал ей наше фото, и на родинку указал. Каково же было мое удивление, когда я увидел невероятную тоску и злобу на её милом личике! Она расплакалась. Оказывается, у нас есть дочь! Отчего

ты молчала? Нам столько надо обсудить! Жду твоего приезда, и нашей встречи всей семьей!

Твой, Джон Освальд Фишер.

Джон уходит с мостика.

СИМОНА. Да-да, я получила это письмо буквально за день до выезда из Берлина. Билеты были уже куплены. Я не показала письмо тебе, Альберт, прости. Я должна была. Я виновата перед тобой. О, еще одна фисташка осталась. Прости, Альбертик. Но, что вы сказали? Он встретил ее здесь?!

ЛЕВ. Да, она должна быть здесь. Но, что же здесь произошло?

СИМОНА. Джону удалось каким-то образом освободиться. Олаф... Он наставил на нас пистолет. Кричал что-то про бабки и про то, какие мы все глупые и нерадивые. Сказал, что настоящий администратор где-то в подвале. И что ему надо успеть выбраться отсюда до приезда фараонов. Он подошел слишком близко к Джону. Мистер Мюрдер сумел выхватить пистолет и оглушить его. Сказал, что знает, кто убийца. Дал мне нож и велел ждать. Ах, я словно в царстве Морфея и Безумного Шляпника.

ЯН. И все же мы должны схватить мистера Мюрдера, он все ещё подозреваемый. Он говорил вам, Симона, куда он направляется?

Джон выходит и ведет под руку Эмму

ДЖОН. Я здесь. Не стоит меня искать.

КРИСТИАН. Вот он, лови его!

ДЖОН. Постойте. Но я знаю кто убийца. И у меня есть неопровержимые доказательства! Позвольте представить вам, наша тихая мышка горничная Эмма.

СИМОНА. В тихом омуте и черти водятся.

ДЖОН. А по совместительству и ваша дочь Анна Квазимодо!

Анну сажают на стул рядом с все ещё пребывающим в бессознательном состоянии Олафом.

СИМОНА. Ах, я вижу! Теперь вижу, я все не могла разглядеть вас. Но моё внутреннее чувство не обманывало меня – я видела вас раньше. Но где? Анна, это ты, я поверить не могу!

Кидается к дочери.

АННА. Отойди от меня!

Симона отстраняется в испуге.

АЛЬФРЕД. Но что за неопровержимое доказательство, Джон?

ДЖОН. Я сомневался, смогу ли я доказать точно, но мне повезло. *(Достаёт бумагу из-за пазухи)* Есть ещё одно письмо, которое Джон Освальд Фишер не успел отправить. Дело в том, что я слышал, как вы читали первое, и теперь картинка сложилась. А вот не найдя этого письма, мне стоило полагаться лишь на мои предположения и выбить правду силой. Либо с помощью этих спиц, которыми она заколола свои волосы. *(Вытаскивает спицу из волос Эммы, они рассыпаются по плечам)* Не вы одна любите вязать, мадам. Но давайте по порядку. Я вам все расскажу, хотя сперва...

Джон бьёт со всего размаху Кристиана. Тот падает. Джон садится на него сверху.

КРИСТИАН. На грязный пол! Как смеешь ты? Да ещё раскровил мне нос, на грязный пол! Слезь с меня! Десять секунд и я уже не смогу отмыться! *(затем в каком-то исступлении)* Пожалуйста, слезь, я все расскажу, слезь! Это она убила! Нет, не она, я, я убил! Только слезь, прошу!

ДЖОН. Ты и через несколько лет отмыться не сможешь. *(К Яну)* Поверьте, это было необходимо. Сейчас вы все узнаете.

ЯН. Да уж попрошу объяснений, для следствия это необходимо. Хи-хи. Вы все ещё главный подозреваемый. Хи-хи.

ЛЕВ. Помилуйте, господин Йоханссон, за это время пока мы тут находились, открылось столько логических цепочек, что я начинаю сомневаться, настоящий ли вы полицейский.

ЯН. Попрошу вас!

ДЖОН. Оставь, Лев Семёнович. Я расскажу. Дело в том, что этот, Олаф, видимо не выдержал, забоялся, что его раскроют, когда придет подкрепление. И, когда вы ушли, он неожиданно начал рассказывать нам. Пистолетом тут размахивал, ходил, собирался сбежать. А я все это время верёвки тёр о нож, который спрятал за спиной, с самого того момента, как вы меня связали, и перерезал. Наконец, мне удалось освободить руку, потом вторую, и в тот момент, когда он, заговорившись, подошёл ко мне, я сумел его одолеть. Как видите сильно. До сих пор вон очухаться не может. Так вот, мне показалось странным сразу поведение Эммы, или Анны, когда она вошла, и администратора, словно они и не знают о существовании друг друга, тогда как должны. И вот. Я подумал, что, скорее всего он здесь новенький, и горничная принимает его за посетителя. Значит, что-то тут не чисто, значит, он не тот за кого себя выдаёт. Только вот как доказать, когда против него и улики нет? А вот когда вы ушли, тут все и раскрылось, что настоящий администратор где-то в подвале, а он преступник, который хотел поживиться деньгами, ограбить нас, и совершенно серьёзно говорит о том, что подвернулось убийство, к которому он вообще не причастен. Что ж решил я, тогда эту тайну может поведать нам настоящий администратор. И вот я ринулся в подвал. Нашёл я его за ящиками с водкой Absolut, полуживого. Так вот, во внутреннем кармане пиджака нахожу я престранную записку. *(Достаёт записку и протягивает ее Льву Семёновичу)* Читай, друг мой, Лев Семёнович.

На заднем плане появляется Постоянный Гость и тоже достаёт бумажку, разглаживает и начинает читать.

ЛЕВ. Милая Симона, надеюсь, что письмо дойдёт раньше. Я весь вечер говорил с нашей дочкой Анной, она работает здесь горничной. Она сказала мне, что не простила тебя, и что хочет отомстить. Что у неё есть план, что ей помогут, какой-то молодой учёный Кристиан де Дюв. Они вместе замышляют нечто страшное, она показала мне яд. Но увидев меня, она изменила решение, просила меня помочь ей вместо него. Поэтому умоляю

тебя – не приезжай! Она хочет убить тебя! Но я ничего не понимаю. Я промолчал. Сказал, что ей лучше уехать, иначе я заявлю в полицию. Но она не послушалась. Хотя сказала, что вскоре уедет. Поэтому прошу – не приезжай, ради твоей безопасности! Я постараюсь разобраться сам с нашей дочкой.

Твой, Джон Освальд Фишер.

Молчание. Все взгляды обращены в сторону горничной Анны.

ДЖОН. А ваше письмо, Лев Семенович, еще более подтвердило мои догадки, что наша горничная совсем не та, за кого себя выдает. И бедный Джон Освальд Фишер видимо попался под горячую руку. Наша милая горничная Эмма, или Анна, простите, не знаю, как называть её теперь, не упустила случая расправится со всей своей ненавистной семьей. А тут ей на счастье еще и я, человек с ясной и нескрываемой неприязнью к ее отцу. Ведь так?

АННА. Все случайно вышло. Я не хотела его убивать.

АЛЬФРЕД. Осторожнее, девочка.

АННА. А что? Чего уж тут. Я ее ненавижу. Ее я хотела убить.

ДЖОН. А этот, на котором я сижу, видимо собирался помочь. Так может все-таки расскажешь, девочка, что тут произошло, коль мы уже все сошлись во мнении, что ты и есть тот самый убийца?

АННА. А что мне вам рассказать? Как сильно ненавижу свою мать? Да я встретила тебя однажды. Только ты меня не узнала, а я сразу признала тебя, когда ты сидела с этим видным ученым де Дювом и их “сыном” за столиком в берлинском ресторане “Waise”, где я работала официанткой. Веришь, я приехала в Берлин в надежде найти свою мать – известную поэтессу и писательницу Симону Квазимодо. Верила, что ты не забыла меня и откроешь свое крыло для меня вновь, что невзгоды жизни помешали тебе найти меня... И вот я найду тебя!

СИМОНА. Анна, как ты могла? Почему не подошла?

АННА. *(не замечая вопроса)* Каково же было мое удивление, что через год моих поисков ты нашлась практически сама. Это было удивительно, я дрожала, не могла к тебе подойти. Что я скажу тебе? В голове все перемешалось. Я попросила метрдотеля, чтобы он дал мне ваш столик. Хотела сделать сюрприз. И вся сияя я подхожу. Вот сейчас твои глаза раскроются от удивления и ты радостно воскликнешь “Анна!”. Но ничего не произошло. Вы сделали заказ, а ты меня так и не узнала. На что я рассчитывала, на материнское чувство, которого в тебе нет? Я до конца верила, что ты не по своей воле оставила меня в том приюте, что на то были причины. Я шла к тебе, простив тебя, с надеждой, что ты узнаешь меня сейчас. Почувствуешь. Но нет! О, как я была зла на тебя! Правильно говорят от любви до ненависти один шаг! Все правильно. Я обслужила вас и вы ушли, а ты была поглощена этим де Дювом.

КРИСТИАН. Зачем ты все им рассказываешь? Зачем? Молчи, тойшенн! Майн гутте, грязь во мне, я не смогу отмыться.

АННА. *(снова в полудреме)* На следующий день, к нам в ресторан заглянул Кристиан. Сын де Дюва, я сразу узнала его. И тогда в голове моей созрел прекрасный план. План мести за эти годы страданий и лишений. Знала ли ты, как я молила по ночам, чтобы ты пришла и защитила меня? Я верила в тебя больше, чем в Бога! А ты не приходила. Ни когда меня избивали старшие девочки за мой отказ отдать им часть своего десерта, ни тогда, когда у меня пошла первая кровь и те же самые девочки выволокли меня из туалета, чтобы все мальчишки увидели мой позор. О, потом я научилась отбиваться, но легче не стало. Я ненавижу тебя! Я сблизилась с Кристианом, ведь так я могла стать ближе к тебе. Я рассказала ему свою историю, он рассказал мне свою. Нас объединило то, что его отец оставил их с матерью, когда Кристиану было шесть лет и ему пришлось ухаживать за мамой, заболевшей какой-то нервной болезнью. Целых десять лет он за ней ухаживал. Поэтому он стал врачом. Потом она умерла, и отцу все же пришлось забрать сына в новый дом. Где его ждала новая мама. Но его юношеская боль была так же спрятана глубоко внутри, как и моя. И вот она вышла наружу.

КРИСТИАН. Если бы все было раньше на несколько часов. Зачем вы не отпустили меня, я бы все рассказал, теперь мне не отмыться. Не отмыться, грязь внутри меня.

ДЖОН. Тихо!

Постоянный Гость достает колбочки из маленького чемоданчика, принесенного с собой, и нюхает одну за другой. Одну, как парфюм, наносит себе на шею и запястья.

АННА. В тайне от отца Кристиан изучал яды. Работал с ним вместе, чтобы в один удобный момент отравить его, но так чтобы тот умирал медленно, как и его бывшая жена. А тут он познакомился со мной. И мы могли убить сразу двух ненавистных нам людей. Его отца и тебя, которые так испортили нам жизни.

СИМОНА. Дочка, я и представить не могла, что все так...

АННА. И вот неожиданно для нас, вас номинируют на Нобелевскую премию. Более подходящего шанса и выпасть не могло. Убив, мы бы забрали ваши деньги и смогли бы сбежать. Сделать себе новую жизнь, и такую, о которой всегда мечтали.

КРИСТИАН. Если бы ты только замолчала, зачем, зачем?! Ох, майн гутте!

АННА. Вот только я не знала, что встречу здесь и своего отца. Все перевернулось с ног на голову! И зачем я тогда пошла к нему? Хотела лишь использовать сына де Дюва. А потом убежала бы с отцом. Но он и слушать не хотел.

КРИСТИАН. Ты грязнее еще, чем я! Внутри тебя первородная грязь! Ах, ах!

ДЖОН. Полегче, парень, не дергайся.

Кристиан в беспомощности затихает.

ЛЕВ. Продолжайте, Анна. Вам уже скрывать от нас нечего. Как был убит мистер Фишер?

АЛЬФРЕД. Видите ли, честь нашего друга нам все же дороже.

ЯН. Да-да, я записываю, хи-хи, так что все до подробностей.

АННА. Пожалуйста. В ту ночь я слышала крики, я видела, как мистер Мюрдер ударил моего отца и побежал наверх, я спряталась, он пробежал мимо, не заметив меня. Тогда я спустилась. Отец сидел на диване прижимая руку с платком к носу. Я повела его в обеденную залу.

ЛЕВ. А как вы открыли дверь?

АННА. У меня был ключ.

АЛЬФРЕД. А зачем вы повели вашего отца в обеденную залу?

АННА. Там был кувшин с водой. Я хотела промыть его лицо от крови. Мы вошли. Он снова начал разговор о матери. Сказал, что заявит в полицию. Не знаю, зачем я ему рассказала и зачем он вновь начал этот разговор, когда все было решено? Видимо, все же пытался спасти меня, *(с ненавистью к Симоне)* и тебя. Он схватил меня, сказал что не отпустит. А я как раз вышла от Кристиана. Он дал мне спицы, уже с ядом, через несколько дней я должна была убить её. Он так кинулся на меня, что я от испуга заслонила от него. Вытащила одну из волос, машинально. Он наткнулся на нее сам. Я ничего не делала. Он даже как-то чавкнул странно, словно что-то лопнуло внутри его шеи. *(Постоянный Гость играет с циркулем и укалывает себе палец. В испуге убегает)* И потом он упал. Я услышала шаги и убежала, вот и все.

ЛЕВ. Интересно. И более чем логично! Но, позвольте, кто же тогда этот администратор? Вы знаете его?

АННА. Определенно нет. Я думала это тоже какой-то лауреат.

АЛЬФРЕД. Ха, видимо у нас тут преступников больше, чем порядочных людей! И все же кто он?

ДЖОН. Не знаю я. Да и ни к черту мне это сдалось! Знаю только, что Джона Освальда Фишера убила она, а сообщником её был этот приткий юноша, что подо мной. Господин полицейский, вы все записали?

ЯН. Все до единой запятой.

ДЖОН. Превосходно! Теперь я знаю, что меня не посадят.

ЯН. Да, вот только, я извиняюсь, но у нас практически нет доказательств вины вот этого молодого человека. Слезьте с него, подозреваемый.

ЛЕВ. Помилуйте, вам мало, что в письме сказано, что он был сообщником и что она может подтвердить?

АЛЬБЕРТ. Но Кристиан, ты же ведь не думал меня убивать? Ведь так? Ах, мои нервы, они не выдержат! *(Альберт поблел и упал на пол)*

СИМОНА. Ах, Альбертик, что с тобой!? Что?

АЛЬБЕРТ. Все в порядке.

СИМОНА. Я же вижу, ты бледен.

АЛЬБЕРТ. Я хочу выпить.

СИМОНА. Тебе нельзя! Ты же можешь сорваться!

АЛЬБЕРТ. Все в порядке, женщина. Это всего лишь нервы.
Достает маленькую бутылочку с маленькой-маленькой рюмочкой.

СИМОНА. Ах, ах, все в порядке? Ну, хорошо. Я так тебя люблю, мой Альбертик! Я буду заботиться о тебе.

АЛЬБЕРТ. Да-да, нервы самое главное (*смотрит на сына*) О наследстве можешь забыть.

КРИСТИАН. Зачем ты так со мной?

АЛЬБЕРТ. Прости, Кристиан, но никого дороже Симоны для меня теперь не существует.

КРИСТИАН. Отец...

АЛЬБЕРТ. У меня нет сына.

КРИСТИАН. Папа...

АННА. Оставь его. Он потерян для тебя, как и ты для него. Как и моя мать для меня.

СИМОНА. Не говори так, ты не знаешь, что я переживала тогда!

АННА. И знать не хочу!

АЛЬБЕРТ. Тише, Симона, тише, оставь.

СИМОНА. И все же она моя дочь. Я не могу оставить ее.

АННА. Я знать тебя не хочу! Видеть тебя не хочу!

АЛЬБЕРТ. Послушай её, скоро мы уедем. Родим своего ребенка.

АННА. Скатертью и дорога.

СИМОНА. Дочка...

АННА. Не смей!

ЛЕВ. И все же попрошу тишины. У нас есть показания. Джон, поздравляю, ты оправдан. А вот мистер де Дюв младший и вы, госпожа Анна, к сожалению предстанете перед судом по обвинению в убийстве Джона Освальда Фишера.

АННА. Мне больше нечего терять.

КРИСТИАН. Я любил тебя.

АННА. А я тебя нет.

АЛЬФРЕД. Какая жалость, что все так получилось. Эх, как чувствовал!
Во время последней фразы Анна достает небольшой ручной пистолетик из-под фартука и стреляет вниз, задев ногу Льва Семеновича. Наставляет его на других.

АННА. Назад! Не думаете ли вы, что я так просто сдамся?

ЛЕВ. А-а-а-а, нога!

АННА. Ха, не умрете.

ЛЕВ. Я стар.

АННА. Мне все равно, я уйду! И только попробуйте меня остановить. Жаль, что вы у меня спицу забрали. У нее еще есть цель. (*к Симоне*) Не думай, что я оставлю тебя. Я всегда буду рядом. Бойся меня, любимая мама.

Пятится назад. Вдруг раздается голос: "Всем бросить оружие!"

Сцена 9

В комнату входят трое полицейских. Старший Фридрих Яссон, Ханс Фритхофф и Виктор Сивгард. Они тут же кидаются на полицейского Яна Йоханссона. Анну прижимает к стене Виктор.

ФРИДРИХ. (к Яну) А вот где ты, мы тебя уже несколько недель ищем!

ХАНС. Хорошо, что вы нашли его. А то без вас мы бы не справились!

ВИКТОР. Это точно.

Оглядываются.

ФРИДРИХ. А что тут у вас происходит? Почему этот сидит на нем, а у другой пистолет? Ну-ка быстро, кинь оружие!

Виктор забирает у Анны пистолет.

ЛЕВ. Товарищи полицейские, помилуйте! Арестуйте преступницу. А то ваш коллега не справляется со своими обязанностями.

ВИКТОР. Какой коллега?

АЛЬФРЕД. Ну, мистер Йоханссон, тот на которого вы сейчас почему то накинулись?

ХАНС. Кто это? Наш коллега? Ха-ха-ха (*все трое смеются*) Вот насмешили. Да, это дурачок наш местный. Постоянно из психической лечебницы сбегает, ловим его. Играет то в пожарного, сам дома поджигает, то в полицейского. Слава Богу, что не убил никого. Или убил?

ЛЕВ. Ах, вот оно что! То-то я думаю, что он странно себя ведет для полицейского. Записывает только и поддакивает. Теперь все логично!

ЯН. Я полицейский! Хи-хи!

ВИКТОР. Да-да, конечно!

АЛЬФРЕД. Нет-нет, не он убил. Господа полицейские, вы же полицейские, а то тут не знаешь уже кому верить?

Выходит Постоянный Гость.

ГОСТЬ. Ну, наконец-то! Да, они полицейские. Где вас носило? И вот наши значки.

ФРИДРИХ. Ох! Главный инспектор, а вы как здесь? Мы не ожидали.

ИНСПЕКТОР. Я по счастливой случайности, кхм, оказался здесь раньше. А вы, младший инспектор, отвечайте на вопрос.

ФРИДРИХ. Так, господин Главный Инспектор, из-за завала, к вам действительно трудно было попасть. И линия оборвалась – не дозвониться. Была ориентировка, что он сюда побежал.

ИНСПЕКТОР. Я знаю. Я его и выслеживал. А попал на более серьезное дело.

ЛЕВ. Дело в том, что убили одного из лауреатов.

ХАНС. Ах, не может быть!

АЛЬФРЕД. Но как ни странно убийцу мы нашли. И доказательства предоставим.

ИНСПЕКТОР. Я это узнал раньше. Только до подкрепления не хотел вмешиваться.

ФРИДРИХ. И кто же убийца?

ЛЕВ. Вот эта горничная.

ИНСПЕКТОР. Да-да, это она, мне сразу было очевидно.

ВИКТОР. Ах, как жалко, как жалко!

Надевает на нее наручники.

АЛЬФРЕД. И этот молодой человек-сообщник, на котором сидит наш друг Джон Мюрдер.

ИНСПЕКТОР. Да, слезьте вы с него наконец. Надеть наручники!

ВИКТОР. *(указывает на Олафа)* Ба! Мистер Главный Инспектор, посмотрите, а ведь это же известный мошенник и убийца Ларс Фон Олух, по всему отделению фотографии его висят!

ХАНС. И точно! Вот это улов, а?!

ИНСПЕКТОР. Почему же вы не слушаете никогда! Я вам сказал надеть наручники?! А вы? Ну-ка быстро. И на него тоже надеть.

ФРИДРИХ. Точно! Ждать нам повышения, ребята, эх!

ИНСПЕКТОР. Кхм-кхм. Лучше отвезите их в участок и делом займитесь. Составьте протокол, ну и далее по уставу. А я вызову скорую. Вы говорите еще один труп в подвале?

ДЖОН. Да-да. Пойдемте, покажу.

Все уходят. Остается Постоянный Гость Инспектор.

ИНСПЕКТОР. Эх, судьба-злодейка! Говорила мне мама, сидя на нарах, не выбирать математику. Я и не выбрал, в полицию пошел. Физики, тьфу! Математика - мать порядка! Только жаль, что за нее Нобелевку не дают.

Берет кружку со стола, наливает чай и кладет туда градусник. Уходит за остальными. Затемнение.

Сцена 10

Джон Мюрдер, Лев Семенович и Альфред Айзикович сидят за столом и пьют чай. Все в приятной задумчивости от нахлынувших воспоминаний.

ЛЕВ. И все же я склонен думать, что все получилось благодаря вам, Джон. Хотя и не без лишних травм (*стучит себя по ноге, куда стреляла Анна, и из-за чего Лев Семенович теперь хромает*)

ДЖОН. Без вашей веры не запустилась бы реакция. Все так бы и осталось на своих местах.

АЛЬФРЕД. И как прекрасно-удивительны человеческие судьбы. Эх, здесь уже не измеришь, только осознать можно.

ЛЕВ. Я вот собираюсь прибор создать для измерения всего. И чувств этих самых.

АЛЬФРЕД. Помилуйте, но такого еще свет не видывал. Вам ли не знать, Лев Семенович, что глупость говорите, лишь бы меня позлить и уколоть лишний раз.

ЛЕВ. А может и говорю, чтобы позлить вас.

АЛЬФРЕД. Пусть так. А все же хорошо тогда получилось. И ведь дали же мистеру Фишеру ту премию, пусть и посмертно. До этого не было такого прецедента, чтобы кто-нибудь умер до награждения.

ДЖОН. Помилуйте, друзья мои, что мы о грустном говорим всё. У меня праздник! А как ваши работы продвигаются?

АЛЬФРЕД. Вы не поверите, но прекрасно, прекрасно. Кстати, вспомнилась мне ещё одна интересная история, когда мы будучи на приеме в палате мер и весов в Лондоне, встретились с королевой английской. Так кто-то у нее во время этой встречи подвески увел.

ДЖОН. Кхм, вы же знаете, что мое начальство, не любит говорить об этом деле. Мы же с вами это обсуждали прямо на Воксхолльском мосту.

ЛЕВ. А, так вам не понравилось, что она их нам отдала? (*достаёт из чемодана подвески*) Мы нашли потом эти подвески не где-нибудь, а у самого премьер-министра, вам ли не знать? Королева была так нам благодарна, что даже подарила их на память, хотя они были дороги ей.

ДЖОН. Да-да, оставим это. Эх, друзья мои, смотрю я на вас, и думаю, что приключения играют большую роль в вашей жизни, и хоть стары вы уже, но в душе вы все такие же мальчишки, требующие этих самых приключений. Вот и тогда...

В комнату вбегает мальчик, лет восьми, он подбегает ко Льву Семеновичу, что-то шепчет ему на ухо, отдает в руку записку и убегает.

ДЖОН. Извольте пояснить, Лев Семенович.

ЛЕВ. Коллеги, этот мальчик прибежал с удивительной новостью. Нас с Альфредом Айзиковичем просит к себе Председатель Президиума Академии Наук. Видите ли, произошло странное событие, требующее нашего непосредственного вмешательства.

АЛЬФРЕД. И что же произошло?

ЛЕВ. Мой друг, поспешим, расскажу все по дороге. Просто из Академии Наук была похищена последняя разработка советских ученых. Вот эта. *(протягивает ему записку, Джон заглядывает через плечо)*.

ДЖОН. Чего же мы ждем? Надо спешить!

Уходят. Лев уходит последний, опустив в чашку с чаем градусник и прихватив с собой свой чемоданчик.

КОНЕЦ

2018 год